

В.А. Эйриян

**ФЕНОМЕН НАЦИОНАЛЬНОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ПОЗДНЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СТРАНИЦАХ
РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИКИ БАКУ**

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования идентичности в поздней Российской империи на примере русскоязычной прессы на национальных окраинах. Автором рассматривается национально-религиозная (этноконфессиональная) и гражданская (подданническо-имперская) идентичность на основе выпусков южнокавказского журнала «Джигит». Согласно базовой гипотезе, деятельность русскоязычных изданий на национальных окраинах должна была быть направлена на складывание гражданской идентичности жителя Российской империи, а русскоязычная пресса – восприниматься в качестве проводника интересов центра. Анализ сатирических заметок и карикатур бакинского журнала «Джигит» показал нерезультативность работы издания с региональным читателем и отсутствие специфического инструментария для привлечения внимания населения Южного Кавказа к тематикам, освещаемым на страницах издания. Несмотря на демонстрацию общности проблем, актуальных для жителей Центральной России и национальных окраин, русскоязычное издание не предлагало позитивной повестки и конкретики по выходу из сложившейся политической ситуации. Негативизация бюрократии, характера имперских элит и упадка морали в стране сопровождалась актуализацией обращения к категориям нации и веры, вследствие чего интенсифицировалось формирование национальной идентичности жителей Российской империи в начале XX в. Высказывается предположение, что безуспешность создания имперской или гражданской идентичности также была обусловлена слабым вовлечением русскоязычной прессой регионального читателя в обсуждение общеимперских проблем, отсутствием четко аргументированного посыла издания и игнорированием культурной специфики региона, в котором издавался журнал.

Ключевые слова: Российская империя; Южный Кавказ; Азербайджан; Первая мировая война; национальное самосознание; национальная идентичность; гражданская идентичность; дореволюционная периодика; русская периодика; журнал «Джигит».

Эйриян Варган Арсенович – преподаватель кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России.

Россия, Москва.

E-mail: vartan_admg@mail.ru

Web of Science ResearcherID: LDG-7964-2024

ORCID: 0009-0008-0667-6331

Eiriyān V.A.

The Phenomenon of National and Civic Identity in the Late Russian Empire on the Pages of Russian-Language Periodicals from Baku

***Abstract.** The article is dedicated to the construction of identity in the late Russian Empire on the basis of Russian-language press in the national periphery. The author examines ethnic (national-religious) and civic (subject-imperial) identity using the example of the South Caucasian magazine Jigit. According to the main hypothesis, the activities of Russian-language publications in the national periphery were intended to promote the development of civic identity among the inhabitants of the Russian Empire, with the Russian-language press expected to serve as a conduit for the interests of the center.*

An analysis of satirical articles and caricatures from the Baku magazine Jigit revealed the publication's ineffective engagement with regional readers and its lack of specific tools to attract the attention of the South Caucasian population to the issues addressed on its pages. Despite highlighting problems common to residents of both Central Russia and the national periphery, Jigit failed to offer its readers a positive agenda or any programs or alternatives for addressing current political challenges. The denigration of bureaucracy and the imperial elites, along with the emphasis on the decline of morality in the country, was accompanied by an appeal to the categories of nation and faith, which ultimately reinforced the formation of national identity among the population of the late Russian Empire.

In conclusion, the article suggests that the failure to construct an imperial or civic identity was also shaped by the weak involvement of regional readers in discussions of general imperial issues, the absence of a clearly articulated message in the magazine, and the neglect of the cultural specificities of the region in which it was published.

***Keywords:** Russian Empire; South Caucasus; Azerbaijan; First World War; national consciousness; national identity; civil identity; pre-revolutionary periodicals; Russian periodicals; magazine "Jigit".*

Eiriyān Vartan Arsenovich – Lecturer at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO. Russia, Moscow.

E-mail: vartan_admg@mail.ru

Web of Science ResearcherID: LDG-7964-2024

ORCID: 0009-0008-0667-6331

Введение

Великая французская революция и Наполеоновские войны, спровоцировавшие повышенный интерес к категории нации, сказались абсолютно на всем европейском континенте, включая и Южный Кавказ. В XIX в. в этом регионе постепенно зародилось выраженное национальное самосознание. На окраинах Российской империи, в которой сторонники постколониальной теории нередко склонны видеть специфическое колониальное государство [Ходарковский 2013], особенный всплеск развитию национально-общественных движений

придали революционные события начала XX в., а затем тренды¹, интенсифицировавшиеся вследствие Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Актуальность данной тематики производна от той роли, которую продолжают играть идентитарные вопросы в современном мире. В случае Южного Кавказа обращение к национальной идентичности начала XX в. видится необходимым для понимания природы и сущности процессов, протекающих сегодня на постсоветском пространстве, в частности, на его южном фронтире. Автором исследуется проблема роли русскоязычных периодических изданий в формировании идентичности жителей национальных окраин поздней Российской империи. В отличие от сложившейся в государствах – членах СНГ традиции апеллировать в контексте истории начала XX в. только к этническим идентитарным аспектам, данная работа направлена на уточнение существующих представлений о соотношении национальной и гражданской идентичности и определение причин безуспешности создания последней.

Двойная идентичность: национальная vs гражданская

Стремление к автономизации, противопоставление регионов центру, формулирование собственных культурно-исторических нарративов – всем этим характеризовались интенсификация национального самопознания и поиск ответа на вопрос об этноконфессиональном «Мы». Как представляется, идентичность жителей национальных окраин в поздней Российской империи складывалась из двух сущностей – идентичности национально-религиозной², или этноконфессиональной, и идентичности гражданской, которую можно условно назвать подданическо-имперской.

Уровень гражданской самоидентификации населения окраин должен был быть пропорционален социально-экономической интеграции периферии в общегосударственные дела. Принципиальной являлась и степень включенности территорий в логистические цепи империи: в условиях отсутствия в регионе железнодорожного сообщения связи с центром практически не было, что автоматически перечеркивало возможность развивать инфраструктурные проекты,

1. На Южном Кавказе дополнительный импульс формированию национальной идентичности придал, к примеру, факт утверждения 12 июня 1903 г. императором Николаем II Положения Комитета министров о сосредоточении имущества Армяно-Григорянской Церкви в России в ведении российских органов государственной власти (отменен указом Николая II от 1 августа 1905 г., что сгладило противоречия между армянским населением и имперской властью). В то же время на территории современного Азербайджана укреплялось левое движение «Гуммет», члены которого в 1911 г. образовали Мусульманскую демократическую партию «Мусават».

2. Национально-религиозная, или этноконфессиональная, идентичность складывается из двух элементов – национального (этнического) и религиозного (конфессионального).

сопряженные с приходом крупного капитала на окраину страны. Вопрос сопряжения Закавказья с империей актуализировала бакинская нефть, привлекавшая инвесторов и государство со второй половины XIX в. На Северном Кавказе железнодорожное сообщение начало появляться с 1861 г.³, на Южном – с 1865 г., когда началась прокладка Поти–Тифлисской железной дороги. В то же время территория современного Азербайджана оказалась вовлечена в эти логистические цепи только в 1880-е годы в результате открытия участка Тифлис – Баку⁴. Резонным видится предположение, что в регионе должен был наблюдаться определенный баланс гражданской и национально-религиозной компоненты идентичности, а не кардинальный сдвиг в пользу последней. На территориях современного Азербайджана второй тип идентичности представал в виде синтеза тюркских и мусульманских черт: именно эта комбинация в дальнейшем стала фундаментом для конструктов, на основе которых будет выстраиваться национальная самоидентификация Закавказской республики.

Стоит заметить, что тематика идентичности мусульман в поздней Российской империи принципиально новой не является. Идентичность рассматривается с самых разных ракурсов: авторы поднимают вопросы как политического характера [Хабутдинов, Мухетдинов 2005], так и языкового [Бессмертная 2017; Бессмертная 2018]. Отдельного внимания заслуживают труды О.Ю. Бессмертной, посвященные использованию мусульманскими деятелями русского языка в поздней Российской империи, а также панисламизму в имперском дискурсе [там же; Бессмертная 2018]. Во многих случаях релевантными для изучения мусульманской идентичности являются и уже ставшие классическими труды по «внутренней колонизации», теория которой нередко применяется для объяснения ряда социокультурных и политических феноменов [Breyfogle 2005; Ходарковский 2013].

Сами азербайджанские авторы прямо заявляют о складывании своей идентичности в условиях давления и притеснений со стороны имперского центра. Так, профессор Д. Сеид-заде делает акцент на негативных последствиях включения азербайджанских территорий российскими властями: «В результате российской оккупации в Азербайджане была установлена колониальная система, азербайджанцы были насильно поделены на две группы... Развитие национальной государственности Азербайджана было отложено примерно на сто лет...» [Seyid-zade 2011, p. 7].

3. *Историю железнодорожного сообщения на Северном Кавказе принято вести с Грушево-Донской железной дороги, проходившей по территориям Земли Войска Донского (с 1870 г. – Области Войска Донского) и Екатеринославской губернии. Первой железной дорогой в самом Северо-Кавказском регионе стала Владикавказская железная дорога (Ростов – Владикавказ), проложенная в первой половине 1870-х годов.*

4. *Подобный интерес к Азербайджану во многом основывался на переходе в начале 1870-х годов от колодезного способа добычи нефти к механическому бурению.*

Это, однако, не означает, что все идентитарные вопросы окончательно прояснены: мусульманская идентичность – понятие эклектичное, если учесть, насколько разными могли быть жители, к примеру, Баку и Ташкента в начале XX в. В связи с этим обращение к, казалось бы, уже изученным феноменам видится актуальным: их проявление на Южном Кавказе могло значительно отличаться от аналогичного на других территориях.

Данная статья построена на анализе периодической печати, в связи с чем стоит обозначить, что периодика, к которой обращаются исследователи при изучении национальной общественной мысли XIX – начала XX в., разделяется на несколько различных по своим целям пластов. В литературе сложилась традиция выделять национально-буржуазную, революционно-демократическую и большевистскую прессу [Панахова 2020, с. 18]. Эта дифференциация релевантна для рубежа XIX–XX вв., в то время как в XIX столетии все азербайджанские печатные издания, что были проанализированы специалистами, заняты просвещением населения, ознакомлением его с образцами мировой литературы, привитием интереса к родным культуре и языку. Подобная характеристика была бы справедлива и для первых газет, появившихся в правление императора Николая I – «Татар хеберлери» («Татарские вести»), выходившие в качестве приложения к «Тифлисским ведомостям», и «Гафгазын о тайынын эхбары» («Закавказские вести») [Керимов 2022, с. 45].

В трудах, в которых затрагивается тематика национального компонента азербайджанской идентичности, приводятся ссылки на пассажи, подтверждающие тезис о наличии гражданской самоидентификации: в частности, показателем является то, что первый же номер выходившей в 1905–1906 гг. газеты «Хаят» начинался с заявлений о стремлениях азербайджанского народа как «*граждан империи* (курсив наш. – В. Э.), мусульман и тюрок» [Панахова 2020, с. 21]. Безусловно, можно говорить о влиянии цензуры и необходимости подбирать формулировки для печати таким образом, чтобы имперские чиновники не препятствовали деятельности изданий, однако сложно спорить с тем, что по меньшей мере часть местного населения идентифицировала себя как граждан большой державы.

Современные азербайджанские эксперты проделали большую работу по анализу периодики рубежа веков на национальном языке. Основной упор при этом ими был сделан на изучение «Моллы Насреддина» – наиболее известного сатирического издания, выпуск которого представляют в виде «подлинной истории борьбы прогрессивных сил, интеллигенции против порабоощающих народ буржуазных сил» [Байрактар, Махмудова 2020, с. 58]. В своем стремлении указать на существенность литературы на родном языке авторы заявляют о том, что «в период возрождения азербайджанских тюрок пресса была, пожалуй, первым государством» [Панахова 2020, с. 17] и что «идея создать прогрессивно настроенный журнал на родном языке возникла под вли-

янием общественно-политического возрождения азербайджанского народа» [Багирова 2014, с. 98].

Если периодика на национальном языке неоднократно становилась предметом исследования, то русскоязычная пресса на национальных окраинах попадала в фокус внимания специалистов реже. Анализ выпускавшихся на русском языке газет и журналов в Азербайджане начала XX в. может дать лишь ограниченные результаты: в первую очередь, он способен расширить представления о специфике гражданской идентичности на Кавказе в том виде, в каком это пытались преподнести сами публицисты. Также может быть уточнен инструментарий создания идентичности с учетом работы в регионе, где осуществление синтеза двух ее компонент требовало от архитекторов этой политики особой аккуратности. В то же время от классически выступающих в качестве методологической основы изучения периодической печати контент- и дискурс-анализа русскоязычных материалов невозможно ждать ответа на вопрос о точном соотношении элементов идентичности, что вызвано объективными ограничениями, накладываемыми избранными методами.

Сатира по-кавказски

К числу наиболее показательных периодических материалов можно отнести сатирические журналы, органично уместающие в себе как иронию над местной бюрократией, так и общеимперские послы, которые в данном случае могли приобретать национальный колорит.

Справочник «Библиография периодических изданий России 1901–1916 гг.» содержит сведения о ряде сатирико-юмористических журналов Кавказа [например: Библиография 1958, с. 11, 48, 50, 448]. Жизнь большинства подобных изданий была недолгой⁵, однако на их фоне выделяется издававшийся в Баку журнал «Джигит», который, согласно вышеназванному справочнику, выпускался в 1907–1913 и 1916 гг. Количество номеров в год варьировалось от 10 в 1907 г. до 52 – в 1910–1912 гг. [там же, с. 448].

Несмотря на то, что полноценному разбору издание до сих пор не подверглось, в отдельных работах можно встретить его краткую характеристику. Так, в 1989 г. были опубликованы материалы к биографии А.С. Грибоедова, в которых упоминалась опубликованная в «Джигите» анонимная комедия «Чацкий в Баку». В связи с этим приводилось объяснение, в чем состояла специфика журнала: «Острого пера сотрудников “Джигита” не мог избежать ни городской голова, ни бакинские гласные, ни даже члены Государственной Думы» [А.С. Грибоедов 1989, с. 250]. Уже по этому пассажиру и факту обращения ав-

5. Например, сатирический журнал «Бакинское горе» выпускался в 1908–1909 гг., а «Адская почта» и «Бакинские стрелы» – лишь в 1910 г.

торов журнала к творчеству российского литератора ясно, что издание, апеллируя к имперскому наследию, не замыкалось на национальных или местных нарративах.

В рамках данной статьи автором проводится анализ двух выпусков сатирического журнала «Джигит», в которых, помимо текстовых заметок, интересны и карикатуры, уже в начале XX в. являвшиеся популярным средством донесения мысли до аудитории. Главным художником периодического издания выступал Б.Р. Телингатер (псевдоним – Бено).

Титульная страница издания, состоявшего из восьми страниц, предлагала читателям вместо привычной для газет передовицы карикатуру, посвященную реалиям государственной важности. Подобная иллюстрация располагалась и на заключительной странице журнала, в то время как страницы № 4–5 содержали юмористические изображения, рассказывавшие о внутривластных событиях или особенностях имперской бюрократии. Текстовый материал располагался на полосах № 2–3 и 6, на полосе № 7 печатались рекламные объявления и помещалось важное указание: «Дозволено военной цензурой». Таким образом, около 50% издания было занято карикатурами, 37,5% – текстовыми заметками, а оставшиеся 12,5% – рекламой. Структурная асимметрия, предполагавшая преобладание иллюстрационных материалов, объясняется задачами журнала и его своеобразием: русскоязычному изданию сатирического характера, стремившемуся найти отклик у всего населения национальной окраины, было проще оперировать броскими рисунками, нежели текстовыми остротами.

Искусство карикатуры: глобальное и локальное

Все карикатуры, размещенные на страницах «Джигита», можно разделить на два типа – посвященные событиям глобальным и национальным. В 1916 г. в условиях военного времени первый тип стал синонимичен изображению событий внешнеполитической и международной жизни. Второй же представлен карикатурами, отражавшими внутривластные реалии: на страницах «Джигита» можно было найти как сатиру на российских думцев, так и шаржи на общественные феномены Российской империи.

Выпуск № 27 от 16 октября 1916 г. начинается с карикатуры «Восточная баня» (рис. 1): банщик-парильщик в узнаваемых русских одеждах держит вееник, с усмешкой поглядывая на османского султана, которого под руки ведут его вельможи. Помимо красноречивой подписи «Баня ставит, баня правит, баня все поправит» на превосходство русского указывает и то, что он изображен крупнее и мускулистее, нежели дряхлый правитель-турок [Восточная баня 1916, с. 1]. Два момента нам кажутся показательными: султан не сам направляется к банщику, им управляют советники-паши, что может быть указанием на слабость высшей власти в Османской империи и концентрацию полномочий

Рис. 1. Карикатура «Восточная баня» из журнала «Джигитъ». 1916 г.

Источник: [Восточная баня 1916, с. 1].

Рис. 2. Карикатура «Ученая обезьяна» из журнала «Джигитъ». 1916 г.

Источник: [Ученая обезьяна 1916, с. 8].

в руках так называемого младотурецкого триумvirата – министра внутренних дел Талаат-паши, военного министра Энвер-паши и министра военно-морского флота Ахмеда Джемаль-паши. Впрочем, на карикатуре изображены только два чиновника, поэтому с уверенностью утверждать, что это кто-то из триумvirов, нельзя. Представляет интерес и то, что русскоязычное издание, выпускаемое в мусульманском регионе, не допускает идеи мусульманской солидарности, ставя государственные соображения выше религиозных.

«Закрывающая» выпуск № 27 карикатура под названием «Ученая обезьяна» (рис. 2) также посвящена русско-турецким отношениям. Обезьяна, одетая в феску и шаровары, удерживалась на цепи усатым седовласым мужчиной в возрасте⁶, который грозил кривлявшемуся животному палкой [Ученая обезьяна 1916, с. 8]. Логика карикатуристов та же, что и в случае прошлой иллюстрации: Турция сатирически изображается в виде однозначного врага,

6. Остается только гадать, представлен ли на иллюстрации хрестоматийный образ русского ветерана, которого выдает типичная меховая шапка, или все же это отсылка к личности 54-летнего обладателя пышных усов – генерала от инфантерии Н.Н. Юденича, с начала 1915 г. командовавшего российскими войсками на Кавказском театре военных действий.

Рис. 3. Карикатура «Германские близнецы» из журнала «Джигит». 1916 г.

Источник: [Германские близнецы 1916, с. 1].

Рис. 4. Карикатура «Друзья на досуге» из журнала «Джигит». 1916 г.

Источник: [Друзья на досуге 1916, с. 8].

неравного России. Обе карикатуры не оставляют вариантов для самостоятельного создания образа противника: турецкие одежды сразу выдают Османскую империю.

Выпуск № 31 от 13 ноября 1916 г. следует той же тенденции освещения международной жизни. Карикатурист иронизирует над германским императором Вильгельмом II, в уста которого вкладывается следующая фраза: «Вот это идея!... Прикажу заказать в лесопильнях деревянных солдатиков... Единственный теперь способ увеличить армию... и... ускорить мобилизацию» (рис. 3). На самой иллюстрации под названием «Германские близнецы» представлены император, а также немецкие солдаты, попарно объединенные в одно тело [Германские близнецы 1916, с. 1]. В данном случае инструментарий художников никак не отличался от общеимперского.

Последняя из анализируемых нами иллюстраций, посвященных внешней политике, носит название «Друзья на досуге» и содержит подпись «Турецко-немецкий танец живота» (рис. 4) [Друзья на досуге 1916, с. 8]. Турецкий деятель, участвовавший в танце, опознается плохо: если Вильгельм II изображен максимально типично, то представитель Османской империи не похож ни на султана Мехмеда V, ни на кого-либо из его высших сановников. На заднем пла-

не можно рассмотреть симбиоз османских минаретов и, судя по всему, германских производственных мощностей, представленных в виде неких промышленных вышек⁷.

В представленных карикатурах нет явного апеллирования к национальной специфике региона, где распространялось издание. Авторы «Джигита» использовали общий патриотический тренд военного времени. Единственной деталью, которая могла бы частично соотноситься с целевой аудиторией, является обращение к турецкой тематике в связи с близостью Баку к Кавказскому театру военных действий, на котором Российская империя достигла наибольших успехов. Впрочем, подобный вывод возможен лишь при анализе частотности обращения к проблематике и рассмотрении гораздо большей выборки. Тем не менее можно констатировать, что в данном случае наблюдается выстраивание гражданской идентичности, основанной на противостоянии внешнему врагу.

Если карикатуры на внешнеполитические темы, отнесенные нами к первому типу, не содержат следов явной работы с целевой аудиторией, то вторая категория иллюстраций должна быть более показательна. Логичной базовой гипотезой здесь могло бы являться предположение, что обращение к внутренним проблемам должно было строиться по принципу рассмотрения общеимперских тенденций и педалирования тех сложностей, что были релевантны именно для бакинских читателей.

Авторы октябрьского номера 1916 г. иронизировали над высшими имперскими сановниками, высмеивая министра внутренних дел А.Д. Протопопова. В уста представителя Союза русского народа вкладывались переживания на тему того, что чиновник слишком усердствует и сбрасывает вес: «А то ежели так дальше пойдет, так через шесть месяцев, пожалуй, из него *тень* его останется!» (рис. 5) [Вы куда? 1916, с. 4]. Сатира на непопулярного в Петрограде «протопопку», как прозвали министра в думских кругах, не коррелировала с бакинскими реалиями, однако попала в общеимперский тренд кризиса доверия к высшей власти.

На второй из четырех карикатур выпуска № 27 (рис. 5) пожилая женщина просила железнодорожного служащего продать ей билет до той станции, на которой произойдет крушение очередного поезда, «чтоб даром денег-то не переплачивать...» [Чего трешься, тетка? 1916, с. 4]. Из подобного пассажи можно сделать вывод как о низком уровне социально-экономического обеспечения простого населения, поскольку оно беспокоилось о возможности «переплаты», так и о ставших обыденностью инцидентах на железных дорогах, так как женщина изначально была готова к подобной трагедии. Карикатуру дополняла подпись-предупреждение (с пояснением «из газет») об участвовавших «опять

7. Сам рисунок напоминает нечто среднее между современными нефтяными вышками и телеграфными баинями XIX – начала XX в.

«постановку оперы П.И. Амираго» – Павла Ивановича Амираго (Амирагова), директора русской оперы в Баку, а в дальнейшем и директора Бакинского государственного театра оперы и балета (рис. 6) [К постановкам оперы... 1916, с. 5]. Миниатюра «Наши виноторговцы», в которой владелец заведения признавался, что его вина «Старое кахетинское № 1-й» и «Выдержанное 10-ти-летнее матрасинское⁸» «в сущности» отличаются лишь ценниками, тоже позволяет понять, где проживали постоянные читатели «Джигита» [Наши виноторговцы 1916, с. 5].

Можно резюмировать, что карикатуры на внутривосточные темы практически не взаимодействуют с идентичностью регионального читателя. Ни внутри-, ни внешнеполитические аспекты, которым посвящены карикатуры, не являются уникальными лишь для жителя Баку – эти иллюстрации могли бы появиться и в сатирических журналах, выпускавшихся в Центральной России. Единственной найденной нами «уликой», позволяющей определить географию распространения издания, можно считать использование понятий, смысл которых ясен прежде всего кавказскому человеку. На страницах «Джигита» представлен лишь гражданский элемент идентитарного вопроса, поскольку де-факто населению Южного Кавказа, по логике карикатуристов, должны были быть близки абсолютно те же вопросы, что и населению столичного Петрограда.

Сила слова

Если карикатуры только косвенно учитывали региональный колорит, то текстовые заметки могут показаться более красочными и связанными с местной жизнью. Бросается в глаза уже список авторов: как и большинство сатирических изданий, «Джигит» не выдавал своих творцов, а потому на его страницах можно было встретить «Поэта из Арцаха», «Мистера Бум-Бум» и даже «Князя Карабахского».

Практически все очерки объединяет одно: они обращаются к Баку лишь номинально; замена закавказских топонимов на русские не изменит практически ничего. Это свидетельствует как об общности описываемых проблем, так и об условной интеграции Баку в общеимперское пространство.

Обратимся к происшествию в Балаханах⁹, представленному в журнале под заголовком «Балаханская хроника» за подписью некоего К.: «Прошлой ночью мыши съели тысячу мешков муки... Балаханский хан заявил, что он тут не

8. *Матраса, Мадраса* (азерб. *Mədrəsə*) – деревня Шемахинского уезда Бакинской губернии (ныне поселок Шемахинского района Азербайджана), известная своим вином, а также сорт винограда, вероятно, связанного с данным населенным пунктом.

9. *Балаханы* (азерб. *Balaxanı*) – деревня Бакинского уезда Бакинской губернии (ныне поселок Сабучинского района Баку).

причем, ибо как мука, так и крысы прибыли в его ханство тайно и без его ведома. Производится расследование... Результаты расследования разглашаемы не будут. Очень жаль» [К. 1916, с. 2]. Рисуеться образ априори беспомощного руководства, доводящего до абсурда решение любых локальных проблем. Одновременно авторы иронизировали и над собой. Короткий стих «Жалоба поэта», подписанный псевдонимом Пуля, явно указывал на пессимистичность журнальной повестки:

*«Что много пью вина, –
То “Джигита” вина:
Увы, мой чудный стих
В его корзине стих»* [Пуля 1916, с. 6].

Отметим, что претензий, которые были бы актуальны исключительно в адрес бакинских властей или нацелены на радикализацию национального вопроса, в журнале не было, что вновь свидетельствует об общем для всей страны кризисе, как его видели авторы «Джигита».

«Грабит нужно и казна... грабит нужно и народ»

Жестче всего, на наш взгляд, сатирики обличали современную им действительность в «рубрике» журнала под названием «Зарбала и Карапет»¹⁰. Тюроч и армянин, чья пара уже сама по себе намекает на курьезную фабулу, постоянно обсуждали насущные проблемы, гиперболизируя любые суждения и коверкая все слова на кавказский манер.

В октябрьском номере 1916 г. Зарбала и Карапет говорили о росте цен на потребительские товары в Баку и спорили о том, есть ли вообще в городе бедные люди. В ответ на причитания Карапета, как жить простому народу, Зарбала пояснял, что бедняков в военное время быть не может, ведь «...вайна – это значить грабит нужно каво хочишь», а тюрем и военных судов бояться не стоит, так как «нужно на законны асаванны грабить» [Зарбала 1916а, с. 6]. Далее Зарбала поучал своего товарища, рассказывая, как во время «Китай-войны»¹¹ у него получалось профессионально спекулировать и наживаться на военном конфликте. Периодические ремарки Карапета, направленные на уточнение, куда же уходили доходы, сопровождалась признанием Зарбалы: «Это на шляпа и башмаки мой жена...» [там же].

Казалось бы, цели этой миниатюры и текстовых зарисовок, упомянутых нами выше, одинаковы: в обоих случаях разоблачалось корыстолюбие, но здесь

10. Красноречивым в данном случае можно считать и сам выбор имен: Зарбала – имя тюркское, т. е. распространенное в том числе и среди азербайджанцев, Карапет – армянское.

11. Под Китайской войной в России начала XX в. понимали подавление Ихэтуаньского восстания 1899–1901 гг., т. е. восстания боксеров.

авторы пошли дальше. Наслушавшись знакомого, Карапет спрашивал, что ему делать, если он никого не грабит, на что получал резкую отповедь: «Если вы ни можишь грабишь, изначит, иди и здохни, а твой жена и дети пушай голодны сидит и болше ничаво» [Зарбала 1916а, с. 6]. Безальтернативность и примат эгоизма над альтруизмом доводились до предела, причем касалось это в данном случае не чиновничества, а «среднего класса» вообще. Пороки, представленные в рассмотренных выше примерах, были присущи не только типичному бюрократу, но и человеку, который просто хотел хорошо жить. Сатирики были убеждены, что это общая парадигма, которая может быть масштабирована до уровня всего имперского общества.

Ноябрьский выпуск 1916 г. обращал внимание читателей уже на другую проблему. Первым делом Зарбала открывал товарищу глаза на происходящее в городе: «Куда ни пайдешь, нужно встретиться с убийца и с вора и с машеник» [там же]. Уточнение на тему национальной принадлежности правонарушителей приводило к следующей тираде Зарбалы: «На Баку наци нету. Разви такой народ знаит, што такой вера, што такой нация?! Если они узнали наци, если у них был вера, тогда савсим другой вещь был: тогда был бы ни Баку, а рай... <...> Это наши антлидент луди...» [там же]. Сатирики не делали негативные черты синонимичными той или иной национальности, однако заявляли об аморальном характере интеллигенции, прогнившей настолько, что веры и нации у них нет по умолчанию. Даже несмотря на упоминание двух «эшак эрмани» [там же], т.е. армян-ишаков, у читателя все же не могло сформироваться представление о том, что правонарушителями и преступниками являлись лица только одной национальности¹².

Показательно, что фельетонисты, из-под чьего пера вышли образы Зарбалы и Карапета, осуждали интеллигенцию за отсутствие у нее понимания таких категорий, как нация и вера, т.е. указывали на ключевые элементы национально-религиозной идентичности. Свидетельствовать это может, с одной стороны, о призыве региональных авторов обратиться к основополагающим для становления национального самосознания сущностям, с другой – о негативизации общеимперских устоев, поданных читателю таким образом, что создается образ коммерциализации всех сторон жизни общества. Обе версии де-факто говорят о нерезультативности создания гражданской идентичности и стремлении перенести акцент с нее на идентичность национально-религиозную, что кажется необычным выводом в условиях анализа русскоязычной прессы, выпуск которой был санкционирован официальными властями.

12. Это замечание особо критично в контексте армяно-азербайджанской (в терминологии начала XX в. – армяно-татарской, так как долгое время азербайджанцы в Российской империи именовались преимущественно «кавказскими татарами») резни 1905–1906 гг., являющейся одним из первых эпизодов прямого противостояния между двумя народами.

Заключение

Среди других юмористических журналов Кавказа «Джигит» выделялся не только тем, что он русскоязычный. Повестка журнала была довольно широкой, включая в себя тематики как внутри-, так и внешнеполитические, как имперского масштаба, так и сугубо локальные. Вместе с тем вопросы местного характера каждый раз служили зеркалом для отражения сложностей, которые были релевантны для всей страны.

Вне зависимости от того, курировался ли журнал свыше или искренне доносил позицию своих авторов, слово «Джигита» не было направлено на формирование идентичности национально-религиозной, или этноконфессиональной, однако его можно рассматривать в контексте формирования идентичности гражданской, или подданически-имперской. Правда, этот процесс осуществлялся лишь посредством работы с негативной повесткой: сатирики подмечали общие для всей Российской империи проблемы, показывая, что для жителей Баку актуальны те же вопросы, что и для петроградцев или москвичей.

С учетом того, что сатирические материалы не могут служить инструментом для поиска ответов на все идентитарные вопросы, следует учитывать, что целостного нарратива с повесткой за пределами негативной представлено не было. В то время как приверженцы автономизации и суверенизации отдельных регионов должны были следить за прессой на национальных языках, русскоязычные издания являлись своеобразными представителями центра в медийной системе начала XX в., предполагавшей, что через подобные газеты и журналы государственные власти распространяли информацию и убеждения, способствовавшие формированию гражданской идентичности. Однако, если взять в качестве примера представленные номера южнокавказского журнала, складывается впечатление, что Петроград практически уступил инициативу регионам, предлагая им самостоятельно определить субстантивную повестку. Рассуждения сатириков на тему того, как все плохо, вызывают лишь вопрос о дальнейших действиях и альтернативах сложившейся парадигме, на который сами они не отвечали и ответить, вероятно, были не в силах. В этих условиях идеологического вакуума народы Российской империи, в особенности на национальных окраинах, оказались предоставлены сами себе, получив возможность самостоятельно избрать не только политический, но и ценностный вектор развития, что стало еще одним фактором активного строительства идентичности национальной в противовес неторопливо взращивавшейся идентичности имперской.

Библиография

А.С. Грибоедов. Материалы к биографии. Сборник научных трудов / отв. ред. С.А. Фомичев. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. 289 с.

Багирова Э. Просветительское движение Азербайджана как фактор развития национального самосознания в начале XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 6. С. 95–99.

Байрактар З.А., Махмудова А.В. Политическая и социально-культурная жизнь Османской империи в сатирическом журнале «Молла Насреддин» // Проблемы востоковедения. 2020. № 3 (89). С. 56–61.

Бессмертная О.Ю. «Алые розы Востока»: «панисламизм», ориентализм и шпиономания в последние мирные годы Российской империи. Разведывательная империя? // Шаги / Steps. 2018. Т. 4, № 1. С. 9–44. DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-1-9-44.

Бессмертная О.Ю. Только ли маргиналии? Три эпизода с «мусульманским русским языком» в поздней Российской империи // Islamology. 2017. Т. 7, № 1. С. 139–179. DOI: <http://dx.doi.org/10.24848/islmlg.07.1.08>.

Библиография периодических изданий России 1901–1916 / под общей ред. В.М. Барашенкова, О.Д. Голубевой, Н.Я. Морачевского. Л.: Издание Государственной публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1958. Т. 1. А–З. XXII, 662 с.

Вместо собачки // Джигит. 1916. № 27. С. 5.

Восточная баня // Джигит. 1916. № 27. С. 1.

Вы куда? // Джигит. 1916. № 27. С. 4.

Германские близнецы // Джигит. 1916. № 31. С. 1.

Друзья на досуге // Джигит. 1916. № 31. С. 8.

Зарбала и Карапет // Джигит. 1916а. № 27. С. 6.

Зарбала и Карапет // Джигит. 1916б. № 31. С. 6.

К. Балаханская хроника // Джигит. 1916. № 27. С. 2.

К постановкам оперы П.И. Амираго // Джигит. 1916. № 31. С. 5.

Кандидат в гласные // Джигит. 1916. № 27. С. 5.

Керимов З.М. Из истории становления и развития периодической печати Северного Азербайджана в конце XIX – начале XX века // Современная научная мысль. 2022. № 3. С. 44–49. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-3-44-49.

Наши виноторговцы // Джигит. 1916. № 31. С. 5.

Панахова Ш.Э. Вопросы общественно-политической жизни Азербайджана в 1905–1907 гг. (на страницах печати этого периода) // Научные известия. 2020. № 20. С. 17–24.

Пуля. Жалоба поэта // Джигит. 1916. № 27. С. 6.

Скандал у доктора (с натуры) // Джигит. 1916. № 27. С. 5.

Ученая обезьяна // Джигит. 1916. № 27. С. 8.

Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг. Нижний Новгород: [б. и.], 2005. 60 с.

Ходарковский М.[М.] В чём Россия «опережала» Европу, или Россия как колониальная империя // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2013. № 2. С. 85–91.

Чего трещься, тетка? // Джигит. 1916. № 27. С. 4.

Breyfogle N.B. Heretics and colonizers: forging Russian Empire in the South Caucasus. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005. XXII, 347 p.

Seyid-zade D. Azerbaijan in the Beginning of XX century: Roads Leading to Independence. Baku: [s. n.], 2011. 196 p.

References

A.S. Griboedov. *Materialy k biografii. Sbornik nauchnykh trudov / otv. red. S.A. Fomichev* [A.S. Griboedov. *Materials for the biography. Collection of scientific papers / ed. by S.A. Fomichev*]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1989. 289 p. (In Russ.)

Bagirova E. Prosvetitel'skoe dvizhenie Azerbaidzhana kak faktor razvitiya natsional'nogo samosoznaniya v nachale XX veka [The educational movement of Azerbaijan as a factor in the development of national consciousness in the early XXth century]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2014. N 6. P. 95–99. (In Russ.)

Bairaktar Z.A., Makhmudova A.V. Politicheskaya i sotsial'no-kul'turnaya zhizn' Osmanskoi imperii v satiricheskom zhurnale «Molla Nasreddin» [Political and socio-cultural life of the Ottoman Empire in the satirical magazine “Molla Nasreddin”]. *Problemy vostokovedeniya* [Problems of Oriental studies]. 2020. N 3 (89). P. 56–61. (In Russ.)

Bessmertnaya O.Yu. «Alye rozy Vostoka»: «panislamizm», orientalizm i shpionomaniya v poslednie mirnye gody Rossiiskoi imperii. Razvedyvatel'naya imperiya? [“Scarlet Roses of the East”: “Pan-Islamism”, Orientalism and espionage in the last peaceful years of the Russian Empire. An intelligence empire?] *Shagi / Steps* [Steps]. 2018. Vol. 4, N 1. P. 9–44. DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-1-9-44. (In Russ.)

Bessmertnaya O.Yu. Tol'ko li marginalii? Tri epizoda s «musul'manskim russkim yazykom» v pozdnei Rossiiskoi imperii [Are there only marginalia? Three episodes with the “Muslim Russian language” in the late Russian Empire]. *Islamology* [Islamology]. 2017. Vol. 7, N 1. P. 139–179. DOI: <http://dx.doi.org/10.24848/ismlg.07.1.08>. (In Russ.)

Bibliografiya periodicheskikh izdaniy Rossii 1901–1916 / pod obshchei red. V.M. Barashenkova, O.D. Golubevoi, N.Ya. Morachevskogo [Bibliography of periodicals of Russia 1901–1916 / under the general editorship of V.M. Baranov, O.D. Golubeva, N.Ya. Morachevsky]. Leningrad: Izdanie Gosudarstvennoi publichnoi biblioteki imeni M.E. Saltykova-Shchedrina, 1958. Vol. 1. A–Z [A–Z]. XXII, 662 p. (In Russ.)

Breyfogle N.B. *Heretics and colonizers: forging Russian Empire in the South Caucasus*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005. XXII, 347 p.

Chego tresh'sya, tetka? [What are you doing here, auntie?] *Dzhigit* [Jigit]. 1916. N 27. P. 4. (In Russ.)

Druz'ya na dosuge [Friends at leisure]. *Dzhigit* [Jigit]. 1916. N 31. P. 8. (In Russ.)

Germanskie bliznetsy [The German twins]. *Dzhigit* [Jigit]. 1916. N 31. P. 1. (In Russ.)

K. Balakhanskaya khronika [The Balakhan chronicle]. *Dzhigit* [Jigit]. 1916. N 27. P. 2. (In Russ.)

K postanovkam opery P.I. Amirago [To the production of the opera by P.I. Amirago]. *Dzhigit* [Jigit]. 1916. N 31. P. 5. (In Russ.)

Kandidat v glasnnye [Candidate for vowels]. *Dzhigit* [Jigit]. 1916. N 27. P. 5. (In Russ.)

Kerimov Z.M. Iz istorii stanovleniya i razvitiya periodicheskoi pechati Severnogo Azerbaidzhana v kontse XIX – nachale XX veka [From the history of the formation and development of the periodical press of Northern Azerbaijan in the late XIX – early XX century]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern scientific thought]. 2022. N 3. P. 44–49. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-3-44-49. (In Russ.)

Khabutdinov A.Yu., Mukhetdinov D.V. *Vserossiiskie musul'manskie s'ezdy 1905–1906 gg.* [All-Russian Muslim Congresses of 1905–1906]. Nizhnii Novgorod: [s. n.], 2005. 60 p. (In Russ.)

Khodarkovskii M.[M.] *V chem Rossiya «operezhal» Evropu, ili Rossiya kak kolonial'naya imperiya* [What was Russia “ahead” of Europe, or Russia as a colonial empire]. *Politicheskaya*

kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy [Political conceptology: a journal of meta-disciplinary research]. 2013. N 2. P. 85–91. (In Russ.)

Nashi vinotorgovtsy [Our wine merchants]. Dzhigit [Jigit]. 1916. N 31. P. 5. (In Russ.)

Panakhova Sh.E. Voprosy obshchestvenno-politicheskoi zhizni Azerbaidzhana v 1905–1907 gg. (na stranitsakh pechati etogo perioda) [Issues of the socio-political life of Azerbaijan in 1905–1907 (on the pages of the press of this period)]. Nauchnye izvestiya [Scientific news]. 2020. N 20. P. 17–24. (In Russ.)

Pulya. Zhaloba poeta [The poet's complaint]. Dzhigit [Jigit]. 1916. N 27. P. 6. (In Russ.)

Seyid-zade D. Azerbaijan in the Beginning of XX century: Roads Leading to Independence. Baku: [s. n.], 2011. 196 p.

Skandal u doktora (s natury) [The scandal at the doctor's (from life)]. Dzhigit [Jigit]. 1916. N 27. P. 5. (In Russ.)

Uchenaya obez'yana [The Scientific Monkey]. Dzhigit [Jigit]. 1916. N 27. P. 8. (In Russ.)

Vmesto sobachki [Instead of a dog]. Dzhigit [Jigit]. 1916. N 27. P. 5. (In Russ.)

Vostochnaya banya [Oriental bathhouse]. Dzhigit [Jigit]. 1916. N 27. P. 1. (In Russ.)

Vy kuda? [Where are you going?] Dzhigit [Jigit]. 1916. N 27. P. 4. (In Russ.)

Zarbala i Karapet [Zarbala and Karapet]. Dzhigit [Jigit]. 1916a. N 27. P. 6. (In Russ.)

Zarbala i Karapet [Zarbala and Karapet]. Dzhigit [Jigit]. 1916b. N 31. P. 6. (In Russ.)